

ИЗВЕСТИЯ, 1965, 20 июля

ПОДВИГ АКТЕРА

СЕРГО Закариадзе известен как выдающийся исполнитель роли царя Эдипа в театре. И вот царь Эдип пришел на виноградники и поля войны в фильме «Отец солдата». Сгорбилась, осела, прикихла к земле величаяя фигура. Торжественная поступь сменилась тяжелой, неспешной походкой крестья-

И первый удар его темперамента — сцена в госпитале. Он узнает, что сына нет. Был, значился, а теперь выписался, ушел на фронт. Его медленная, недоверчивая мысль не может это сразу понять. Он вежливо улыбается регистратору, он воплощенная любезность: как это был, а теперь нет? Но просто-

Тут только окончательно понимаешь силу сдержанности актера, его суровой замкнутости в первых частях фильма. Да, надо было начать от нуля, чтобы передать раскаленную температуру чувств в этой сцене, чтобы измерить силу ярости и горя старика, когда, поняв, что сын убит, он поднимается в последнюю атаку.

И все-таки не в батальных эпизодах нерв и смысл картины. Лучшая сцена фильма, поставленного Р. Чхеидзе, безусловно, та, где уже в Германии, на чужой земле, Георгий попадает на виноградник. Тут острее ощущаешь истинное предназначение старого Махарашвили на земле. И то душевное состояние солдата, которое так точно выразил Гудзенко в своих фронтовых стихах:

Случайно

В палисаднике на Бронной
Увидел пятнышко травы, и мне
Его руками захотелось тронуть,
Как мальчику винтовку на стене.

Это самый главный бой, выигранный Георгием Махарашвили. Жизнь хлебного колоса, виноградной лозы для него так же дорога, как жизнь ребенка. Бессмысленное разрушение приравнивается им к убийству, ибо он тот, кто строит, возделывает, созидает. Он и берет в руки оружие, чтобы защитить эти основы человеческого существования.

Мысль ясная, ситуация не новая, сюжет простой. Но сделать известное заново волнующим, выразить всю глубину и величие простых истин — это под силу только большому художнику.

Им показал себя в фильме «Отец солдата» Серго Закариадзе.

Ю. ХАНЮТИН.

Артист Серго Закариадзе в роли Георгия Махарашвили («Отец солдата»).

нина, привыкшего ходить за плугом. Георгий Махарашвили — широкий, сутулый, с длинными тяжелыми руками — напоминает узловатый старый корень, глубоко проникший в родную землю. Он весь от земли — неторопливый, немногословный, определенный.

Он молча слушает наставления жены, провожающей его в госпиталь к сыну, молча принимает напутствие односельчан, только еще больше ссутулилась спина и обвисли усы, точно взваливает он на себя все горе и все надежды земляков.

Он весь переполнен своей задачей добраться до госпиталя. Война не его дело. Его мир — это земля, хлеб, виноград, дети. Очень скупой и очень экономно дает Закариадзе экспозицию образа. Но эта скупость — от щедрости, экономность — от умного расчета художника, берегающего до времени душевные ресурсы, как артиллерия бережет снаряды, чтобы в решающий час потратить их все.

Народная естественная справедливость восстает против насилия и подлости.

Режиссер Р. Чхеидзе и артист не сбалансировались возможностью показать перерождение нескладного деревенского старика в braveго солдата, суворовского чудо-богатыря. Нет, и в солдатской пилотке и в сапогах он так же самобытен и народен, так же комедии и трагичен, и так же со словами «отец» обращаются к нему солдаты.

Может показаться спорной и несколько рассчитано мелодраматичной финальная ситуация, когда Георгий наконец встречает сына, чтобы к концу боя в полуразрушенном здании навсегда потерять его. Но Закариадзе заставляет забыть о натянутом ходе. Он перекликается с сыном через этажи, занятые немцами. Они говорят по-грузински, а их беседу переводит диктор. Но, право, здесь все понятно и без перевода. Незнакомая речь звучит, как песня отцовской гордости, нежности и любви.